

*СКРИПНИК Константин Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, руководитель кафедры истории философии института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону). Автор более 150 научных публикаций, в т. ч. 11 монографий и 4 учебных пособий**

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИДЕИ В ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

Несмотря на широкое распространение семиотических исследований, семиотика до сих пор находится в поисках собственной идентичности. Исходя из того, что семиотические идеи появились гораздо раньше самой семиотики, в статье рассматривается возникновение семиотических идей в античной философии, в рамках которой авторами трактатов о знаках были такие известные философы, как Филон, Зенон, Феофраст и Филодем. В центре внимания находятся идеи Платона и Аристотеля, стоической и эпикурейской школ. Показано, что для Платона ключевым вопросом является возможность познания вещей через именование (означивание в широком смысле слова). Рассмотрение роли знаков у Аристотеля занимает промежуточное место между логикой и риторикой; знак у него играет инструментальную роль в процессе рассуждения и приобретения знания. Аристотель принимает функциональное определение знака, которое было поддержано и в стоической школе. Важной характеристикой знакового отношения у стоиков является его понимание как триады, включающей две материальные сущности и нечто ментальное, известное как *λεχτόν*. *Λεχτόν* выступает как антецедент кондиционала. Рассматривая знаковое отношение как отношение вывода, стоики подразделяют знаки на указывающие и напоминающие в зависимости от их роли в познании. Для эпикурейской школы знаки играют существенную роль в процессе перехода от очевидного и известного к неизвестному. Природа знака понимается как диадическая. Стоическая и эпикурейская интерпретации знака являются корнями двух моделей знака, принятых в современной семиотике. Автор статьи утверждает, что адекватная реконструкция истории семиотических идей возможна лишь в контексте истории традиционно философских проблем.

Ключевые слова: семиотика, знаковое отношение, именование, классификация знаков, Платон, Аристотель, стоики, эпикурейская школа.

Семиотика в своем современном состоянии преодолела рубеж некоторой «экзотичности», многочисленные семиотические исследования стали привычным явлением. Тем не менее их

научный статус все еще остается под вопросом, начиная с того, что само определение семиотики не является единым – можно перечислить более полутора десятков подобных определений.

*Адрес: 344065, г. Ростов-на-Дону, пер. Днепровский, д. 116; e-mail: skd53@mail.ru

С той или иной степенью периодичности вновь обсуждаются вопросы о том, не является ли семиотика просто модой, является она наукой или лишь определенным «движением», является она проектом исследовательской деятельности или четко ограниченной доктриной, подходом или методом, дисциплиной или метадисциплиной, объектным языком с практиками означивания или метатеорией, изучающей эти практики.

Итогом таких обсуждений является одно: семиотика находится в поисках собственной идентификации. Одним из путей поиска является реконструкция исторически длительного становления семиотики или семиотических идей, хотя и фиксируется отсутствие систематических исследований данного процесса: история семиотики еще не написана [1].

История семиотики и история семиотических идей далеко не совпадают во времени. Собственно, первое указание на общую теорию знаков под именем семиотики появляется лишь в Новое время, когда Дж. Локк пишет в «Опыте о человеческом разумении» о разделении наук на три разряда, называя в качестве третьего разряда *σημιωτική*, или «учение о знаках». При этом Локк отмечает: «И так как наиболее обычные знаки – это слова, то семиотику довольно удачно называют также *λογική* – “логика”»¹. Мысль Дж. Локка дает основание рассматривать семиотику как науку философскую: семиотические идеи изначально вплетены в философские рассуждения. Последние же, особенно в начале своего возникновения, тесно связаны с реальными практиками означивания.

Возникновение семиотических практик и их первичного осмысления справедливо связывать с практиками гадания, магического действия и медицинскими практиками, сложившимися еще до классической античности в Месопотамии и архаической греческой культуре. В [2] и [3] отмечается, что указанные практики скла-

дываются по имплицативно-выводной структуре: структура знака выражается через отношение между фиксируемыми в высказываниях фактами, а не через отношение означаемого и означающего. Сам термин *σημείον* («знак») впервые появляется именно в этих практиках; он был общим наименованием для знаков любого сорта – как лингвистических, так и неллингвистических.

Ключевые точки зрения философского контекста формирования и развития семиотических идей в античности представлены Платоном и Аристотелем, идеями стоиков и эпикурейцев. Отдельной теории знаков у Платона не было – рассуждения о знаках встроены в его теорию языка и неотделимы от нее. Традиционно центральным диалогом, в котором обсуждаются эти вопросы, считается «Кратил», но семиотическая терминология, в первую очередь термин *σημείον*, встречается и в ряде других мест. Так, в «Тимее», рассуждая о роли прорицателей, Платон говорит и о тех, кто может рассудительно понять выраженное прорицателями, поскольку они сами не могут интерпретировать «боговдохновенные пророчества» (т. е. знаки). «Отсюда и возник обычай, чтобы обо всех боговдохновенных пророчествах изрекало свой суд приставленное к тому племя истолкователей <...> ибо они лишь разгадывают таинственные речения и видения...»².

Прорицание обсуждается и в «Государстве», и в «Федре», в которых то, что «есть здесь», выступает по сути знаком «того, что там». Означение затрагивается и в «Софисте», где имя существительное и глагол определяются как «голосовые знаки», как «обозначение с помощью голоса», и в «Теэтете», где душа сравнивается с восковой дощечкой, на которой делаются оттиски, отпечатки (*σημείον*) того, что мы «хотим запомнить из виденного, слышанного или самими нами придуманного, как бы оставляя <...> отпечатки»³, эти оттиски

¹Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Сочинения в трех томах. М., 1985. Т. 2. С. 200.

²Платон. Тимей // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1994. Т. 3. 72а–b.

³Платон. Теэтет // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1993. Т. 2. 191d–192e.

есть знаки известного и ощущаемого; и далее: «[объяснять] – значит иметь какой-либо знак, по которому искомую вещь можно было бы отличить от всего остального»⁴.

В качестве базовых проблем, обсуждению которых посвящен «Кратил», чаще всего называют проблему природы имен и столкновения двух точек зрения на эту проблему – конвенционалистской и натуралистской. Иногда в качестве проблемы и иного наименования диалога называют «правильность имен». Что касается «правильности», то, если судить по тексту, «правильное» имя (наименование) чего бы то ни было есть эквивалент просто «имени (наименования)» этого – именно этот тезис формулируется в первых строках диалога. Правда, этот тезис можно понять и так, что акустическое произнесение (имя, произносимое вслух) не совпадает с правильным именем; и если так, то это свидетельствует о наличии семиотической проблемы «провала» между некоторым знаком (в данном случае – последовательностью звуков) и природой называемого. Тогда понятно, почему в примечаниях к диалогу А.А. Тахо-Годи [4] подчеркивает, что основная проблема диалога заключается в обсуждении возможности познания вещей через их именование, возможности познания сущности вещей через имена (т. е. знаки в широком смысле слова). Само «базовое» слово диалога «*ὄνομα*» (мн. «*ὄνοματα*») может использоваться в различном значении: как общий термин для «слова» вообще, в более узком смысле – как имя существительное или иногда как имя прилагательное, в других случаях – как имя собственное. В зависимости от контекста и подразумеваемого употребления можно говорить о том, что диалог посвящен общей семиотической проблеме или проблеме лингвистической семиотики.

Различие конвенционализма и натурализма заключается в том, что, согласно первому, имена представляют не более чем метки, установленные по соглашению и не имеющие никакого отношения к сущности предмета. Действительно, стол называется столом не потому,

что в нем есть некая изначально присущая ему «столовость»; наименование предмета складывается под влиянием многочисленных и разнообразных факторов, хотя, конечно, нельзя до конца отрицать роль звукоподражания в образовании слов – в образовании, но не в их связи с сущностными характеристиками. (Так, во времена Шекспира букву «р» именовали «собачьей» в силу того, что в ее произнесении слышали отзвук собачьего рычания; конвенционалистскими являются знаменитые слова Джульетты: «Что есть Монтекки? Разве так зовут лицо и плечи, ноги, грудь и руки? Неужто больше нет других имен? Что значит имя? Роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет!»).

Натуралистская точка зрения, поддерживаемая в диалоге Кратилом, рассматривает имена как отражение сущностных характеристик вещи. Именование схватывает сущность вещи, несмотря на то, что природа их являет собой нечто совершенно текущее. В обсуждении этого возникает ряд подвопросов, два из которых непременно должны быть отмечены.

Первый связан с фигурой «установителя», «законодателя»; именно он при всей смутности его характеристик устанавливает имена вещей по их природе, и то, что люди могут их менять, связано лишь с ограниченностью человека, ограниченностью его возможностями. Имена приемлемы в отношении вещей лишь постольку, поскольку они описывают их. Примером может быть этимология, которой в диалоге уделено так много места и которая неоднократно подвергалась критике в комментирующей литературе. Так, слово «*άνθρωπος*» («человек») может быть разложено на «*άναδρόν ή απολή*» – букв. «тот, кто размышляет (думает) над тем, что видел». Второй связан с акустической реализацией имени, воплощающей в себе указанную ограниченность, являясь лишь неполной реализацией. В современных терминах это различие между содержанием знака и носителем знака или, если угодно, различие плана выражения и плана содержания. Но неполнота акустической реализации в такой же степени касается и конвенцио-

⁴Платон. Тезет... 208с.

нального именованья, прежде всего в силу различия и многообразия языков.

В «Кратиле», по сути, предвосхищается, пусть порой в имплицитном виде, существование некоторого набора семиотических кодов: любая семиотическая репрезентация является несовершенной; тот или иной семиотический код репрезентирует лишь отдельную сторону объекта. Приближение к познанию сущности вещей требует изобретения новых семиотических кодов и репрезентаций, все более точно отражающих сущность. Несовершенство акустической, и далее вербальной, репрезентации одновременно с возможностью их расширения дает возможность говорить об определенном семиотическом континууме кодов.

Полное понимание семиотических идей, связанных с обсуждением в «Кратиле», может быть получено лишь в каркасе общих взглядов Платона, в первую очередь его взгляда на соотношение мира идей и мира вещей. Сфера идей независима от своей репрезентации в вербальной форме, более того, знание, опосредованное знаками (словами, именами), является знанием более низшего порядка по сравнению со знанием истины самой по себе. Подлинное же имя не только репрезентирует сущность, но и является в определенной степени «предписанием» этой сущности самой вещи.

Семиотические идеи античности находят свое продолжение в работах Аристотеля, рассматривающего вопросы собственно теории знаков отдельно от теории языка; проблемы невербального знака, собственно *σημεία*, *σημείον*, или *τεκμήριον*⁵, отделены от знака лингвистического, который именуется им *σύμβολον*. В отличие от Платона различие содержания знака и средства знака в виде акустической репрезентации у Аристотеля выходит на первый план – в первую очередь в работе «Об истолковании». Дж. Манетти [5] справедливо отмечает, что в первых абзацах два указанных терми-

на употребляются синонимично, но при этом не взаимозаменяемо: термин *σημείον* используется для указания на существование звуков или букв, которые могут рассматриваться как свидетельство существования представлений в душе.

В труде «Об истолковании» выстраивается определенная иерархия знаков: письменные знаки есть символы устных звуков, устные звуки являются знаками и символами ментальных впечатлений, являющихся представлениями в душе (ср.: *ordo orandi* у Боэция), и в этом смысле ментальные впечатления подобны действительным предметам. Ментальные впечатления одинаковы для всех людей – в этом находит выражение предлагаемое и принимаемое Аристотелем определение знака. С современной точки зрения в подобном определении имплицитно содержатся истоки как теории референции, так и теории значения, которые будут «разведены» уже стоиками. Для Аристотеля различия в знаках есть различия лишь в плане выражения, но не в плане содержания. Отвечая на скрытый вопрос о натуралистской или конвенционалистской природе имени (знака), Аристотель утверждает, что «[имена] имеют значение в силу соглашения, ведь от природы нет никакого имени», мало того, имени придается функциональный смысл, согласно которому, знаком может быть все, что угодно, когда оно используется как знак – «[возникает имя], когда становится знаком»⁶.

Теория знаков занимает у Аристотеля промежуточное место между логикой и риторикой, он обращается к ней и в «Аналитиках», и в «Риторике» в процессе анализа роли знаков и приобретения знания. В «Первой Аналитике» предлагается несколько иное определение знака с акцентом на его инструментальную роль: «Знак же означает доказывающую посылку необходимую или правдоподобную, ибо то, при наличии чего вещь существует или при появлении чего она раньше или позже появляется, и есть знак появления или существования»⁷.

⁵Аристотель. Первая Аналитика // Аристотель. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1978. Т. 2. 70а.

⁶Аристотель. Об истолковании // Аристотель. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1978. Т. 2. 16а, 25–30.

⁷Аристотель. Первая Аналитика... 70а, 7–9.

Риторика же, согласно Аристотелю, занимается нахождением возможных способов убеждения относительно каждого данного предмета, а способ убеждения понимается как некоторого рода доказательство. Называя энтимему риторическим силлогизмом, Аристотель определяет ее как силлогизм из правдоподобного или из знака (*σημείον*)⁸. В таком контексте знаковое отношение есть отношение вывода, следования одного факта из другого – «в искусстве красноречия доказательство от признака основывается на следовании»⁹. В пользу этого говорят приводимые им примеры с наличием у женщины молока, рождением ею ребенка и бледностью; с мудростью, честностью, добродетельностью и щедростью Питтака, в силлогистическом анализе которых посылки именуются знаками, признаками, или *τεκμήριον*.

Различия между *τεκμήριον* и *σημείον* имеются и проявляются и в теории силлогизмов. Наличие у женщины молока является и следствием рождения ребенка, и (при)знаком того, что женщина родила, иначе говоря, наличие молока выполняет в силлогизме роль среднего термина. В этом случае знак именуется Аристотелем *τεκμήριον*, или необходимым знаком. В примерах типа «если женщина бледна, то она беременна» или «если Питтак щедр, все мудрые щедр», т. е. силлогических рассуждениях по второй и третьей фигурам, знаки называются им *σημεία*, и подобные знаки не дают возможности сделать заключение с необходимостью. Обсуждение знаков у Аристотеля, несомненно, было шагом вперед в силу введения понятия «вывода из знаков» или «вывода на основании знаков», оказавшего влияние на последующее развитие семиотических идей в стоической и эпикурейской философских школах.

Функциональное определение знака и вывод из знака были приняты и в стоической

школе. Стоическое определение знака дается Секстом Эмпириком. У стоиков знак в выводе выступает в роли антецедента кондиционала, позволяющего получить заключение, содержащее новое знание – «...знак есть посылка, которая является управляющей в правильном умозаключении, открывая тем самым следствие»¹⁰, «...знак – суждение, руководящее правильной связью и обнаруживающее заключение»¹¹. Секст Эмпирик иллюстрирует это на примере врача, который говорит о болезни на основании некоторых симптомов, но при этом обращает на себя внимание тот факт, что врач способен интерпретировать эти симптомы как знак в силу того, что он врач. Иными словами, возможность интерпретировать нечто в качестве знака встраивается в само понятие знака. (Развитие этой идеи интерпретатора легко обнаружить в понимании знака Ч. Пирсом, неоднократно упоминавшим идеи стоиков в своих работах).

В текстах Секста Эмпирика имеют место определенного рода разночтения: пример с врачом связан со знаком как естественным явлением, в то время как знак как антецедент кондиционала представляет собой суждение, т. е. факт скорее ментального уровня. Разрешение данного разночтения обнаруживается при анализе понимания структуры знака, которая у стоиков есть триада (и эта идея также воспроизводится Ч. Пирсом), в состав которой входят означающее, означаемое, или значение, и внешний объект. Первый и третий компоненты есть материальные сущности, второй же рассматривается как невещественное. Вторым компонентом является наиболее интересным, он есть нечто «словесно выражаемое»: букв. «то, что означено, сказано» – лектон (*λεχτόν*). Сказанное, точнее, словесно выраженное, и выступает в роли суждения, когда оно является антецедентом соответствующего кондиционала – «суждение же

⁸Аристотель. Первая Аналитика... 70а, 9–10.

⁹Аристотель. О софистических опровержениях // Аристотель. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1978. Т. 2. 167b, 1–8.

¹⁰Секст Эмпирик. Против ученых // Секст Эмпирик. Сочинения: в 2 т. М., 1976. Т. 1. VIII, 245.

¹¹Секст Эмпирик. Три книги Пирроновых положений // Секст Эмпирик. Сочинения: в 2 т. М., 1976. Т. 2. II, 104.

<...> есть нечто словесно выражаемое». Суждение можно характеризовать с точки зрения его истинностного значения, отсюда те условия, которые сформулированы стоиками по отношению к правильности «связи» антецедента и заключения: связь, т. е. вывод, корректна, если она запрещает лишь одно: переход от истинного к ложному. Стоики «считают ошибочным лишь тот [случай], когда связь начинается от истинного и кончается ложным, все же остальные случаи признают правильными»¹².

В понимании *λεχτόν* возможно усмотреть зачатки характеристик взаимоотношения означающего и означаемого в том виде, как это сформулировано Ф. де Соссюром, у которого означаемое – не некоторого сорта внелингвистический объект, а ментальный феномен, концепт.

Знаки подразделяются стоиками на указывающие (показательные) и напоминающие (воспоминательные). Напоминающий знак – «тот, который, наблюдаемый вместе с обозначаемым в живом представлении, одновременно со своим появлением перед нашими чувствами, хотя бы обозначаемое им было неочевидным, ведет нас к воспоминанию о том, что наблюдалось вместе с ним и теперь не представляется очевидным, как, например, обстоит дело с огнем и дымом»¹³. «Указывающий же знак <...> тот, который не наблюдался вместе с обозначаемым в живом представлении, но по собственной природе и устройству обозначает то, знаком чего он служит, как, например, движения тела служат знаками души»¹⁴.

Основанием видов знаков служит подразделение вещей на очевидные и неочевидные, последние включают неочевидные временно, неочевидные по природе и неочевидные раз и навсегда (неочевидные вообще). Одновременно выделяются знаки общие и частные; иногда на данное различие указывается как на возможность говорить о знаках в данных смыслах,

в общем смысле о знаках говорят как о предназначенных для выявления чего-либо, т. е. возобновления в памяти, и это знаки воспоминательные, в частном смысле знак является указывающим (на невыявленную вещь). Указывающие знаки позволяют переходить от знания очевидных вещей к знанию неочевидных на основании того, что очевидные вещи «сами на основании себя доходят до нашего познания», а неочевидные требуют некоторого размышления, вывода. Но какие – неочевидные?

Секст Эмпирик воспроизводит мысль стоиков в том смысле, что вещи неочевидные вообще не могут быть познаны и в силу этого они не могут быть познаны посредством знаков. Иными словами, из познания на основании знакового отношения исключаются вещи очевидные и неочевидные вообще. Поскольку же данный выше перечень вещей является исчерпывающим, то два вида знаков могут указывать на предметы временно неочевидные (воспоминательные знаки) и неочевидные по природе (указывающий знак). Воспоминательный знак как означающее устанавливается одновременно с тем, что он означает, – с означаемым. Таков и вывод о роли знаков в познании: знаки должны обеспечить ликвидацию разрыва между очевидным и неочевидным (временно или по природе).

На базе оппозиции вещей очевидных и неочевидных выстраивается понимание знака (знакового отношения) как рода, а доказательства как перехода от очевидного к неочевидному – как вида. Именно от очевидного, потому что неочевидное является ложным, а ложный антецедент кондиционала (вывода по сути) не гарантирует получение нового истинного знания. Доказывающим же рассуждением является такое, которое выводит нечто неочевидное из вполне очевидного.

Исследование знаков в контексте получения нового знания на основе перехода от очевидного и известного к неизвестному было предложено

¹²Секст Эмпирик. Три книги Пирроновых положений... II, 105.

¹³Там же. II, 100.

¹⁴Там же. II, 101.

и эпикурейской школой. В наиболее отчетливом виде семиотические идеи эпикурейцев отражены в трактате Филодема, известном, если использовать стандартное латинское название, как *De signis*. Книга относится к числу тех рукописей, которые были обнаружены при раскопках Геркуланума¹⁵.

Для эпикурейцев знак есть нечто чувственное в том смысле, что референт знака есть чувственное впечатление или чувство, *λεχτόν* стоиков как область интенционального значения ими отрицается. Правда, вещи в нашем восприятии не всегда связаны лишь с чувственным восприятием. Выводы из знаков могут быть сделаны и относительно чисел, и относительно любых других вещей, поддающихся под наше восприятие. Тем не менее в отличие от стоической модели знака эпикурейцы придерживались диадической модели.

Дж. Барнес [6] доказал, что эпикурейская модель вывода из знаков может быть выражена двумя простыми парадигмальными случаями: «поскольку все люди в нашем восприятии являются смертными, то таковы (смертны) и все люди вообще» и «поскольку все животные в нашем восприятии смертны, то смертны все животные, даже если они живут в Британии» (в том смысле, что мы никогда с ними непосредственно не сталкивались и не столкнемся). Подобное воспроизведение мысли Филодема (и эпикурейцев в целом) ведет к ряду вопросов: если речь идет обо «всем в нашем восприятии», то можно ли делать вывод из примера или некоторой выборки? Допускает ли подобный вывод формулировку «по большей части» (если люди по большей части таковы, то таковы и все люди вообще)? Каковы условия получения заключений в подобных выводах, что является базой для подобного вывода? Пытаясь ответить на эти вопросы, Дж. Барнес утверждает, что ответ, скажем, на последний вопрос элементарно прост: базой для подтверждения заключений в указанных выводах является подобие (сходство). Процесс семиозиса у эпикурейцев осуществляется именно по сходству.

Речь идет об индуктивных выводах. Действительно, общепринято считать, что эпикурейская школа была школой индуктивизма, а книга Филодема может рассматриваться как первая серьезная трактовка индуктивной логики. В этом случае почему бы под семиозисом эпикурейцев не понимать просто индукцию? Однако не все так прозрачно.

Обычно в современной практике некоторое рассуждение рассматривается как индуктивное, если оно разрешает переход «от частного к общему» или «от частного к частному». В таком смысле эпикурейские выводы не могут характеризоваться как индуктивные, поскольку в них идет речь обо всех вещах в нашем восприятии и, кроме того, в указанной трактовке индуктивных выводов нет ничего, что характеризовало бы эпистемический статус антецедента: явное и неявное, известное и неизвестное. Раз так, примем во внимание то, что индуктивные выводы могут трактоваться как «не-демонстративные умозаключения». Но и в этом смысле выводы от знаков в эпикуреизме (у Филодема, в частности) не рассматриваются его представителями как не-демонстративные, поскольку в них заключение следует из посылок с необходимостью. Необходимость вывода следует из того понимания сходства, которое предлагается Филодемом и которое связано с понятием степени сходства, взаимоотношением сходства и различия и анализом в этой связи отсутствия противоположных случаев, а также апелляцией к непостижимому и характеристике вещей «как таковых». В последнем случае имеется в виду вывод типа «поскольку все известные люди, поскольку они как таковые есть люди, смертны, то...». Тем самым основополагающее сходство, рассматриваемое в качестве знака, является существенным и необходимым признаком.

Значит ли это, что знак (означающее) указывает на означаемое только в случае, если репрезентирует существенный и необходимый его признак? Один из вариантов ответа был дан

¹⁵См.: Дж. Барнес [6], Е. Асмис [7], А. Лонг [8]; особо – Де Лейси [9].

Ч. Пирсом (который не раз упоминал работу Филодема) в характеристике связи знаков и объектов и подразделении на этом основании знаков на образы, индексы и символы. По сути, стоическая и эпикурейская традиции анализа знакового отношения и вывода от знаков представляют зачатки рационалистической и эмпирической трактовки, когда отношения означающего и означаемого устанавливаются через логос или через восприятие, что свидетельствует о неразрывной связи изучения знаков у стоиков и в эпикурейской школе с общей трактовкой познавательного процесса. Такой же вывод можно сделать и в

отношении их предшественников – Платона и Аристотеля.

С уверенностью можно заключить, что семиотические рассуждения античности не могут быть отделены от традиционно философских проблем, что подтверждает тезис о философском характере исторических корней семиотики. На примере античности явно виден путь постепенного становления собственно семиотических идей, углубление и расширение их роли и влияния. Анализ данной традиции не только заполняет имеющий пробел истории семиотики, но и дает шанс с новой точки зрения реконструировать историко-философский процесс.

Список литературы

1. *Eco U. From the Tree to the Labyrinth.* Cambridge, 2014.
2. *Divination and Interpretation of Signs in the Ancient World* / ed. by A. Annas. Chicago, 2010. 351 p.
3. Буше-Леклерк О. История гадания в античности: Греческая астрология, некромантия, орнитомантия. М., 2012. 424 с.
4. Тахо-Годи А.А. Примечания // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1990. Т. 1. С. 835–842.
5. Manetti J. Signs of Antiquity/Antiquity of Signs // *Versus*. 1988. № 50–51.
6. Barnes J. Epicurean Signs // *Oxford Studies in Ancient Philosophy* / ed. by J. Annas. Oxford, 1988. P. 91–134.
7. Asmis E. *Episurus' Scientific Method.* Ithaca, 1984.
8. Long A.A. Reply to Jonathan Barnes // *Oxford Studies in Ancient Philosophy* / ed. by J. Annas. Oxford, 1988. P. 135–144.
9. *Philodemus: On Method of Inference: A Study in Ancient Empiricism* / ed. by P.H. De Lacy, E.A. De Lacy. Philadelphia, 1941. 200 p.

References

1. *Eco U. From the Tree to the Labyrinth.* Cambridge, 2014.
2. *Divination and Interpretation of Signs in the Ancient World.* Ed. by A. Annas. Chicago, 2010. 351 p.
3. Bouché-Leclercq A. *Histoire de la divination dans l'antiquité.* 1979 (Russ. ed. Bushe-Leklerk O. *Istoriya gadaniya v antichnosti: Grecheskaya astrologiya, nekromantiya, ornitomantiya.* Moscow, 2012. 424 p.).
4. Takho-Godi A.A. Primechaniya [Comments]. Plato. *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected Works: In 4 Vols.]. Moscow, 1990. Vol. 1, pp. 835–842.
5. Manetti J. Signs of Antiquity/Antiquity of Signs. *Versus*, 1988, no. 50–51.
6. Barnes J. Epicurean Signs. *Oxford Studies in Ancient Philosophy.* Ed. by J. Annas. Oxford, 1988, pp. 91–134.
7. Asmis E. *Episurus' Scientific Method.* Ithaca, 1984.
8. Long A.A. Reply to Jonathan Barnes. *Oxford Studies in Ancient Philosophy.* Ed. by J. Annas. Oxford, 1988, pp. 135–144.
9. *Philodemus: On Method of Inference: A Study in Ancient Empiricism.* Ed. by P.H. De Lacy, E.A. De Lacy. Philadelphia, 1941. 200 p.

Konstantin D. Skripnik

Institute of Philosophy and Social and Political Studies, Southern Federal University
116 per. Dnepropetrovskiy, Rostov-on-Don, 344065, Russian Federation;
e-mail: skd53@mail.ru

SEMIOTIC IDEAS IN THE HISTORY OF ANCIENT PHILOSOPHY

In spite of the fact that semiotic research is widespread, semiotics is still looking for its identity. Considering that semiotic ideas are much older than semiotics itself, this article studies the emergence of semiotic ideas in ancient philosophy. It is known that such philosophers as Philo, Zeno, Theophrastus and Philodemus wrote special treatises on signs. The semiotic ideas of Plato, Aristotle, the Stoics and the Epicureans are in the focus of this article. For Plato, the key question is the possibility of knowledge of things through naming (or *signification* in the wide sense of the word). In Aristotle's works, the analysis of the role of sign occupies an intermediate place between logic and rhetoric; for him the sign plays an instrumental role in discourses and cognitive processes. Aristotle gives a functional definition of the sign, supported by the Stoics. The sign relation is understood by the Stoics as a triad including two material matters and an incorporeal component, known as *λεκτόν* and acting as the antecedent of the conditional. The Stoics consider the sign relation as sign-inference and divide signs into two types according to their role in the process of cognition. For the Epicureans, signs play an essential role in transforming the known and obvious into the unknown, the sign being of dyadic nature. The Stoic and the Epicurean interpretations of sign are roots of the two models of sign in contemporary semiotics. The author of this article asserts that an adequate reconstruction of the history of semiotic ideas is possible only in the framework of the history of philosophy.

Keywords: *semiotics, sign relation, naming, sign classification, Plato, Aristotle, Stoics, Epicurean school.*

Поступила: 01.10.2015